

А 1010

ISSN 0132-0637

Октябрь

4

1979

Октябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

АПРЕЛЬ

4

1 9 7 9

ЕДИНОДУШНАЯ, ТВЕРДАЯ ПОДДЕРЖКА НАРОДОМ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА НАШЕЙ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ — НАДЕЖНЫЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД, ЗАЛОГ ТОГО, ЧТО НАМЕЧЕННЫЕ ПЛАНЫ БУДУТ ПРЕТВОРЕНЫ В ЖИЗНЬ. ОНИ БУДУТ ПРЕТВОРЕНЫ В ЖИЗНЬ ВОЛЕЙ ПАРТИИ, ТРУДОМ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ — И ВО ИМЯ ИХ БЛАГОПОЛУЧИЯ И СЧАСТЬЯ.

Из речи товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа

115745

Сергей НАРОВЧАТОВ

Фронтальная радуга

ПОЭМА

Свой добрый век мы прожили, как люди,
И для людей.

Георгий Суворов

1

недостижимом дымном зазеркалье
Под времени знобящий перегуд
Мгновенья, что когда-то отсверкали,
В десятом измерении текут.

Освещены далекими огнями,
Придя из нестареющей нови,
Там в гимнастерках с крепкими ремнями
Стоят друзья-товарищи твои.

Смеются одногодки и погодки,
Года рожденья после Октября,
Заломлены фуражки и пилотки,
В петлицах по два, по три кубаря.

А у кого на праздничные плечи
Легло по паре звездчатых погон,—
Смеются легендарные предтечи
Теперешних незнаемых времен,

Стоят они в одном кругу прощальном,
Содружеству солдатскому верны,
С начальным днем и с месяцем начальным
Смешался в них последний год войны.

А в кобурах привычные наганы,—
На приступ с ними к Н-ской высоте! —

Остановился накрепко взгляд,
Где, на счастье
или несчастье,
В просторной избе месяц назад
Гражданские
встали
власти.

Тогда, плотную дверь отворя,
Глотая слова привета,
Лейтенант увидел секретаря
Местного сельсовета.

Не был парень еще на веку
Таким охвачен смятеньем,
Показалась девушка фронтовику
Мирной жизни виденьем.

Но все, что раньше случалось с ним,
В годы мальчишьяго пыла,
Дымом
вдруг
поднялось
цветным,

Поблекло
и отступило.

Смолкли пластинкой недавних времен,
Шумны, раскатисты, гулки,
Ночным освещенные фонарем
Довоенные переулки.

Раскрылась ему сельсоветская дверь,
Будто вышняя милость,
И все здесь сошлось
навсегда теперь,
Все
сюда
устремилось.

И все тотчас же приобрело
Добавочное значенье,
Невидимое
подписало
перо
Невидимые
реченья.

Он был опален жгучей звездой,
Упавшей невесть откуда,
Впрямь гимнастерки его простой
Дуновенье коснулось чуда.

Половицы вовсю заходили под ним,
Часы зазвонили стенные,
Еще немного,
небесный нимб
Черты б
окружил земные.

Но отставала в чащах тылов
Очередная награда.

Путь его по Большой войне
Был путем поколенья.
Он принял обдуманное вдвойне,
Но, по сути, простое решенье:

3

— Трудное дело начато,
Так его и держись.
Жизнь
 не пишется
 начерно,
Набело
 пишут
 жизнь.

Судьба нам определилась,
И вышло по этой смете —
Возможная
 необходимость
Собственной
 смерти.

Идет в атаку пехота,
Танки идут на таран,
Кому умирать охота, —
Лучше десяток ран,

Лучше любые увечья,
Чем личное и твое
Провальное,
 нечеловечье
Полное
 небытие.

Как лампу, выключат разум,
Захлопнут резко тетрадь,
Жизнь
 по второму разу
Не
 переиграть.

Слыхали, как раненый тяжко, —
До смерти подать рукой, —
Вдрызг раздирая рубашку,
Ругается с медсестрой?

— Рано записывать в мертвые,
Еще увижу жену.
Не надо, — твердит, — морфия,
Мучаюсь, значит, живу.

И все же, все же, все же
 Не ты дороже всего.
 Есть то, что еще дороже,
 Дороже тебя самого.

4

Что Колька изведal в жизни иной
 Перед тем, как попасть в разведку?
 Ну, прежде всего перед самой войной
 Он кончил десятилетку.

Недавнюю память лишь раззадорь —
 И все пролистает детство,
 Оно на улице Красных Зорь
 Дарило ему в наследство

Добро без начала и без конца
 Под кровлею дома отчего,
 Матери ласку и взгляд отца,
 Питерского рабочего.

Но тучи заволокли горизонт,
 И в страдные дни отступленья
 Отец,
 добровольцем уйдя на фронт,
 Погиб
 партбойцом
 ополченья.

Упал он в траву, к врагу лицом,
 Вы так же прожить сумеете!..
 Хочу,
 чтоб меня
 партийным бойцом
 Считали
 до самой смерти.

И пусть ненадолго, но после нее,
 Забвенья пока не пришло,
 Стихами
 продлится
 мое бытие,
 Мое
 партийное
 дело.

Был Николай похож на отца,
 В основе своей неразменен,
 Не зря на него
 смотрел без конца
 С настенного снимка
 Ленин.

С Лениным мы через жизнь прошли,
 Сквозь радости и печали
 Во все края неоглядной Земли
 Мы вместе с ним прошагали.

Мальчишеских лет осветив кутерьму,
Он нашу взрастил мальчишество,
Я первые строки отдал ему,
Едва читать научившись.

В мальчишке порыв горит-говорит,
Но пусто пока в тетрадке,
Зубенки мои, нагнетая ритм,
Отстукивают в лихорадке.

Спешило выплеснуться поскорей
Впечатленье с минутой рьяной.
Впервые увидел я Мавзолей,
Тогда еще деревянный.

Мимо него на глазах моих
Реки текли людские,
Они
 мой детский
 заполнили стих
Горем
 взрослой России.

За ладные строки чего не отдашь,
Косолапой спешат гурьбою...
Мама взяла у меня карандаш:
— Давай запишу за тобою.

И вот уже я
 над тетрадкой лечу
И, оставляя квартиру,
Хочу
 свою любовь
 к Ильичу
Всему
 переведать
 миру.

Давно позабылся мой ранний стих,
Но в детское то мгновенье
Я малышом пятилетним постиг
Первое вдохновенье.

5

С давнего часа, с далекого дня,
Где бы судьба ни носила,
К лучшим делам
 направляла меня
Та —
 ильичевская сила.

Когда обозначился мой черед
В глаза поглядеть Отчизне,
Я слово
 на ближние годы вперед

Давал
в три возраста жизни.

В тот год мартеновской печью зажглась
Первая пятилетка,
Жизнь меня оценила на глаз,
Началась характера лепка.

Мы юную представляли страну,
Ее новизны заметы,
Когда в пионерском клялись ряду
Выполнять Ильича заветы.

Второй пятилетки горели огни,
И вспышками их освещало
Шагавшие вдаль комсомольские дни,
Крутой дороги начало.

Едва сравнялось пятнадцать лет,
В пятерках и драках школа,—
Мне с ленинским профилем
Новый билет
Вручил райком комсомола.

Просьбу мою нашел секретарь
В куче других заявлений:
— Во все лопатки к знаниям шпарь,
Учись, как советовал Ленин.

Хороший день
Другой нагонял,
Таким же хорошим обрадованный,
Я строил Большой Ферганский канал
Сиявший цветными радугами.

Цветными радугами труда,
Песней дехканской воспетого,
На ноте высокой звенела струна
Всенародного праздника этого.

Родных, друзей и знакомых окрест
Оповестив заранее,
Сюда сошлись из тысячи мест
Всей Ферганы дехкане.

И мы, москвичи, пришли туда,
Русской ведомые речью,
Навстречу рабочая встала страда,
Товарищи встали навстречу,

Чтоб сообща в этот край провести —
Да не будет ей переводу!
А хлопку расти и садам цвести! —
Желанную светлую воду.

В сухую землю вгрызался кетмень,
Еще солнце желтело низко,

И каждый с песнями вставший день
Зеленел ростком коммунизма.

О ферганской я вспоминал мечте
В звоне недельной бессонницы,
Когда в осколков и пуль решетке
Морозное встретил солнце.

Была у молодости начата
Только лишь первая строчка,
А с жизнью короткой кончил счета
Мой друг Михаил Молочко.

А с ним в невозвратное далеко,
К лугам безмолвного края
Ушел навсегда Георгий Стружко,
По финским снегам шагая.

За белой снежною пеленой
Глухие захлопнулись двери.
Означены были первой войной
Первые наши потери.

В жарынь Ферганы и финский мороз,
Как поколенья заклатья,
Встают во весь нестигаемый рост
Большие слова и понятия.

На Юге и Севере
Мир и Война
Свое нам лицо показали,
Мы Счастье и Горе
узнали сполна
И Жизнь со Смертью
узнали.

Своим рассветным я кланяюсь дням,
Жестоким своим рассветам,
Ребячиться некогда было нам,
Бойцам с комсомольским билетом.

Под вражеским хутором Хилики-два
Впервые я подал в партию,
Но выбил финский февраль едва
Не всю нашу ротную братию.

Не вышел из этого дела толк,
Но причины были простительны:
Погиб

на озерном льду
парторг,

Погибли
мои поручители.

По срывистым тропам обрывистых лет
С отрога и до отрога
Вот так меня вел
комсомольский билет,

До партийного
вёл
порога.

Прицельный на Невский ложился снаряд,
И в орудийном дыме
Ледяной и голодный вставал Ленинград
Октября непокорной твердыней.

Мое поколение мужало в борьбе,
И не было выше награды
Назвать себя членом ВКП(б)
После прорыва блокады.

По всем континентам круглой Земли,
Куда бы ни шел по свету я,
В десятилетия годы текли,
Партийному слову следуя.

И я до конца бороться готов
За бесконечное дело,
Где стажа
тридцать с гаком годов,
Как тридцать дней,
пролетело.

6

Писали мы юности общий дневник,
Коли, Павки, Сережи,
Все мы в точках своих отправных
Товарищ с товарищем схожи.

То, что я здесь рассказал о себе,
Памятью стих накаляя,
Пускай теперь в сельсоветской избе
Станет судьбой Николая.

Случались у нас, естественно, с ним
Значительные разночтения,
Сначала начисто разъединим
Сердечные наши влечения.

Держа при себе порывы свои,
Ожидая другого начала,
Не знал Николай довоенной любви,
Что меня на пути встречала.

Короб несёт счастья
Каждый встреченный день,
Ты с этим днем в соучастье,
Только кепку надень,

Только скатись по лестнице
В утреннюю Москву
К милой своей прелестнице,
Ждущей тебя на мосту.

В библиотеку вместе,
Но что вам теперь до книг,
Лучшие для вас вести
Не вычитаны из них.

В осеннем лесу прочтете
Рдеющую листву,
На самом трудном зачете
Не срежетесь в том лесу.

Себя через годы спросим
О юности лучшем дне,
И первокурсная осень
В кленовом вспыхнет огне.

Затем Николаю остались чужды
Науки давней уроки,
Он никогда
от звезды до звезды
Не твердил
стихотворные строки.

Помню, в залегшей роте,
Пока на плечах голова,
При вражеском арналете
По звукам сближал слова.

Со смертью в тесном обручье
Поэзию я постиг,
Звуки лились в созвучья,
Созвучья сливались в стих.

Над нами стояло столетье,
За шиворот теребя,
И запахи, звуки, соцветья
Мы брали вокруг себя.

Передавали стихами,
Слово ставя ребром,
Быстрых «катюш» полыханье,
Артиллерийский гром.

Мешался запах сирени
С запахом мертвых тел.
Соловья оборвались трели,
Снялся и улетел.

А мы, пичуге в замену,
Армейские соловьи,
В стихах поднимали цену
Радости и любви.

Самой революции младше,
Юностью
голубой
Походной ротой на марше
Навязанный
приняли бой.

В такой обстановке позицию
 Некогда выбирать,
 Любой пригорок согдится
 Укрыть неумелую рать.

Наспех открыта ячейка,
 Силы —
 один к трем,
 Щелкает трехлинейка,
 До отказа
 дослан патрон.

Недружно грохнули залпы,
 Теперь обойму смени,
 Горестны
 и внезапны
 Войны
 первые дни.

Незыблемой встанут правдой
 Слова
 забытых речей,
 И назовется Непрядвой
 Рябой
 от осколков
 ручей.

Мертвенно светит ракета,
 И под ее огнем
 Здание
 сельсовета
 Московским
 встанет
 Кремлем.

И с самого беглого взгляда
 Будет видно окрест —
 Крышами
 Ленинграда
 Ближний
 поднимется
 лес.

Малое станет великим,
 Час возвысится в век,
 Героем тысячеликим
 Засветится человек.

7

Вспомнить пора об оставленном дне,
 Застрял на опасной грани я.
 Стал говорить о Бородине,
 А пошла моя биография.

Путь поколения каменист,
 Но его возрастные звания —

Пионер,
комсомолец
и коммунист —
Девизом
блещут на знамени.

Эти ступени прошел Николай,
Идя по годам, как все мы.
Каким характером ни наделяй
Героя своей поэмы,

Но если ты эту минуешь суть,
Во второстепенном затерян,
Скажут ровесники —
не обессудь,
Характер
не
характерен.

Совсем неожиданно в здешнем краю,
Узнав по встречному слову,
Николай подругу сыскал свою,
Наташу нашел Одинцову.

В молодежный актив отвоєванных сел —
Среди кандидаток первая —
Ее направил сюда комсомол
Из областного резерва.

Была она родом из этих мест,
Но в город ушли родители,
Глаза ее
речку, поле и лес
Ни разу
с тех пор
не видели.

Отец и мать, уйдя навсегда,
В родные края не вернулись,
Но девчонку все время тянуло сюда
С городских надоевших улиц.

Не стала Наташа глядеть в облака,
В земную шагнула действительность,
Когда, приехав издалека,
С памятью ранней свиделась.

То, что с селом случилось теперь,
То, что война сокрушила,
Любым аршином
беду отмерь,
Все равно
не хватит аршина.

Но добрые люди простую избу
Для счастья ее разыскали,
Женскую долю, девичью судьбу
Увидала она в Николае.

Ни книги, прочитанные за столом,
 Ни концерты в притихшем зале,
 Поединки воздушные над селом
 Их развлечением стали.

Жизнь создавала быт фронтовой.
 И в годы прямые и гневные
 В каждой землянке на передовой
 Ворошились дела каждодневные.

Быт создавался в ближних тылах,
 В штабах,
 на почте,
 в санчасти,
 Где были улыбка и взгляд второпях
 Скромным
 набором
 счастья.

А у связисток шумит патефон,
 Ставят без лишних вопросов
 Пластинки невозвратимых времен —
 Шульженко, Козин, Утесов.

И ты сантиментам чужим не перечь,
 Сойди с обусловленных точек,
 Чтоб снова с опущенных падал плеч
 Синенький скромный платочек.

Давнишнего неба он станет синей,
 Взмахнув над праздником старым
 Наивной мелодией
 праведных дней

Навстречу
 обнявшимся парам.
 Круженье вдвоем,
 и все нипочем,
 На Неве воюя,
 на Волге ли,
 Ребята
 всю жизнь
 вспоминали потом
 Минуты
 эти
 недолгие.

А жизнь тогда —
 полдня иногда,
 Хорошо,
 коли полнедели,
 Не знал никто,
 не гадал никогда
 Целым
 дойти до цели.

О моем поколенье
 спросите меня:
 В списке
 жестоким и строгим

Тогда он с налету
душу обжег,
Перед войною самой.

Такими мы были в те времена
И, верша планеты делами,
Наивно, но четко, к звену от звена,
Событий цепь разделяли.

На лыжах скользя, целясь в мишень,
Прыгая с парашютом,
Мы расчисляли мирный день
Уже по военным минутам.

И азбуку воинского ремесла,
Как тревожный вдыхали воздух,
Она по-сестрински нам помогла
На войны обугленных верстах.

Опять нас окутал разымчивый дым
Лирического отступленья,
Вернемся снова к своим молодым,
Посмотрим на них с отдаленья.

9

Перед тем, как поставить последний крест,
Начальство хмурило брови
На фронтовых
женихов и невест,
На военные
наши любви.

В другой обстановке бы наплевать
На взгляды, смотрящие косо,
Но, того гляди, покатится вспять
И рухнет с крутого откоса

Влюбленных душ потаенная речь,
Твое недолгое счастье.
Ну, как его сберечь-оберечь
От начальственной этой напасти?

На тебя одного ложилась вина
За дела для войны излишние,
Ко всем чертям послала война
Наши вопросы личные.

Солдатское дело — бить врага,
Это твой долг и право,
И если затопит в бою берега
Гнева и злости орава,

Тебе простится такой перехлест,
Нарушенная граница,

Наташа всю ночь не смыкала глаз
И, вскочив еще на рассвете,
Боясь пропустить назначенный час,
Ждала его в райсовете.

Но встретил жених спокойный взгляд,
Когда пришел с опозданием.
И вот уже вместе они стоят
Перед загса разбитым зданием.

Ничего им не дал первый этаж,
На второй привела их лестница.
Там начинала служебный стаж
Наташи прямая ровесница.

Она взглянула из-под ресниц
На жениха и невесту.
Себя, как водится у девиц,
Примеряя к Наташину месту.

Военный плакат, суровый портрет,
Пожелтевшая пальма в кадке
Напоминали недавних лет
Торжественные порядки.

— У лейтенанта паспорта нет,—
Рассудила ровесница здраво.—
Ставить печать на другой документ
Вряд ли дано мне право.

Впрочем,— смягчилась девушка вдруг,—
Должно же быть исключенье,
— Давайте,
 ради друзей и подруг,
Ваше
 удостоверенье.

Ребят опасной шуткой смутив,
Мол, все сорвалось сначала,
Она, мурлыча случайный мотив,
По-новому их повенчала.

Напоследок сказала, по-детски важна,
Расширив глаза большие:
— Я вас поздравляю,
 муж и жена,

От имени
 всей
 России.

Николай
 отцепил фляжку с ремня,
Продлевая
 минуты светлые:

— Поднимем втроем
 в честь этого дня

Наркомовские
 заветные!

Радостным пламенем обожжены,
Дети
 грозной вселенной
Из мирной загговской тишины
В мир
 шагнули военный.

Мир, где из тьмы жестоких веков,
Сквозь дым проступая чадный,
Все пять полыхали материков
Огнем войны беспощадной.

Судьбе шагнули наперерез,
Влекущей муку-разлуку...
Николай в грузовик первым залез
И подал Наташе руку.

10

Мчал грузовик к тылам полка,
С ним счастье быстрое мчалось,
Была дорога недалеко,
Но далека оказалась.

Дорога шла через древний бор,
Вдоль красно-желтых сосен,
Праздника ради в лучший убор
Нарядилась русская осень.

На спуске у иссиня-черной реки
Навстречу молодоженам
Заполыхали березняки
Угольем разожженным.

Село показалось под редким дождем,
И соцветье радуги яркой
Самым счастливым в жизни днем
Стремительной выгнулось аркой.

Одним концом она в черной реке
За обрывистой падала кручей,
Терялся другой конец вдалеке,
В туче канув летучей.

Руками держась за кабины верх,
В жизни
 общем начале
Новобрачные мимо последних вех,
Самых последних,
 мчали.

Колодец. Воронка. Развилка углом.
К сельской площади прямо.
Не зря
 с утра
 над ранним селом
Упрямо
 кружилась
 «рама».

Словно предвидел черный пилот
Счастье пары влюбленной,
Был скорректирован артналет
С точностью неуклонной.

Пристально вглядываясь в живых,
Гибель ходила рядом —
Летающий

по улице

грузовик

Тяжелым

накрыло

снарядом.

Юность,

мчавшую через село,

Разнесло,

как с прямой наводки,

«Ничего существенного...»

Произошло

Вопреки ежедневной сводке!

Произошел конец естества,
Конец бытия человеческого,
Исчезли прекрасные существа,
Носители пламени вечного.

Война, обновляя разведзвон,
К личностям непримирима,
Вряд ли память о них донесет
До сдавшегося Берлина.

Но сами они не оставят пост,
Совсем неприметный с виду,
И, поднимаясь

над гибелью в рост,

Себя

не дадут в обиду.

Сквозь черноту непроглядного зла,
По следу

прямому и горькому,

Николай возвращается из села

К покинутому пригорку.

К своим друзьям ведет за собой
Упирающуюся Наташу,
Гремит внизу нестихающий бой,
Пьют люди смертную чашу.

Там, при свете багряных звезд,
В радости и печали
Держали юнцы неприметный пост,
Насмерть его держали.

Пост неприметной своей любви,
Своего недолгого счастья,
Не для того ли в недавней нови
Случилось им повстречаться?

В дружеский круг двое ребят
Встают на полынный пригорок.
У Николая нацеленный взгляд
По-разведчичьи точен и зорок.

Наташе он показал сперва,
Потом товарищам верным
Огни, что виднелись едва-едва
На расстоянье безмерном.

Огромного города вдалеке
Увиделись очертанья,
За лесом, сбегавшим к черной реке,
Возникли странные зданья.

По ним,
увеличась в тысячу крат,
Как на экране,
наплывом,
Засквозили
упрямые лица подряд
В стремленье
нетерпеливом.

С губ
срывался яростный зов,
Глаза
призывали и звали,
Едва доносились обрывки слов
Из отчаянной дали.

Но вспыхнула огненная полоса
По черте фронтового края,
И вырвались
мощные голоса,
Столетий
шум
покрывая.

Подписала последний счет
Времени
бесконечность.
— Неужто
нас будущее
зовет?
— Да,— ответила
Вечность.

